

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой

1

<Петр Евстратыч теперь большой человек – управляющий. Легко сказать, над двумя деревнями начальник, как барин, повелевает. Один сын в купцах, другой чиновник, за дочерью, сказывают, 5000 приданого дал; да и сам живет в холе, как барин, каждый год деньги в Москву посылают. А такой же наш брат из мужиков взялся, Евстрата Трегубова сын. Да и не Евстрата сын оно; ведь только по сказкам числится Евстратовым сыном, а настоящее дело вот как было. Известно, чей бы бычок ни скакал, а теля-то наше.

И мудреное дело, как этот грех случился. Немало в те поры народ дивовался. Тогда народ проще жил, и такие дела за чудо были.

Бабушка Маланька, Петра Евстратыча мать, и теперь жива, с братом Ромашей живет. Сын к себе сколько звал – не хочет. Я, говорит, мужичкой родилась, мужичкой и помру, греха меньше; покуда силишка есть, брату подсобляю, внучат покачаю, кое-что по домашнему прибору; а Петруша сильный стал, с сильными греха больше. Так и живет, от сына гостинцы получает, благословенье ему в письме посылает, и радость ее вся, что в праздник беленьким платочком повяжется, чистенько приберется, костылик возьмет, к ранней обедне сходит, а после полдней кого грамотного зазовет к себе, велит бумажку почитать. На бумажке сон пресвятой девы богородицы списан, ей богомолочка прохоя пожеертвовала; а уж пуще всего любит, кто ей псалтырь почитает. В милостыне тоже у ней отказа нет, и переночевать всякого человека пустит, и к усопшему сама без зову идет. Зато-то бабушку Маланьку, не за сына, а за добродетель ее, и старый и малый в деревне, все теперь почитают.

Что молодость-то значит. Теперь бы бабушка Маланька сама себя не узнала, какой она была лет 40 тому. Тогда ее не бабушкой звали, а – Маланька Дунаиха, за то что она первая хороводница, плясунья, игрица первая по деревне была. Худо за ней и тогда, до этого случая, ничего не было, только веселая бой-баба была. Из деревни она была не из нашей, а из Малевки, сосватал ее Евстратов отец за сына, по знакомству ли или что невест своих не было, только чужая она. Старик еще в поре был, на сына другую землю принял и жил исправно; лошадей голов 8 было с жеребятами, две коровы, пчелки были (и теперь у них ведется та же порода). Барщина была по-божьему, муки не было; свекровь хозяйка настоящая была, одна за троих работала: кроме того, солдатка, ихняя сестра, с ними жила, подсобляла. Так что молодайка нужды не видала.>

По старинному порядку, выдали ее замуж 15 лет. Она была девочка. В первое время, когда она, бывало, несет с солдаткой ушат воды, то как лозинка качается. И мужа своего совсем не любила, только боялась. Когда он подходил к ней, она начинала плакать, щипать и даже кусать его. Так что первое время все плечи, все руки у него в синяках были. Так она не любила его два года. Но так как баба она была красивая и смиренная и из долгу хорошего, то ее не принуждали к тяжелой работе, и она понемножку, года через три или четыре, стала выравниваться, повзросла; раздобрела, раздумянилась, перестала бояться – стала привыкать, привыкать, и так наконец привыкла к мужу, что плакала, когда отец его в город усылал. Вошел к ним в избу раз шутник Петра и говорит:

– Вишь, по коем воет, конопатого черта-то как жалеет.

И хотел он с ней поиграть.

– Конопатый, да лучше тебя, что ты чистый. А вот что тебе от меня будет, – сказала она и ткнула его пальцем под нос.

<Да и баба же стала на все руки. В праздник уберется в ленты, галуны, выйдет на улицу (кряля изо всех баб молодайка. Ермилены жили богато, и из дому-то было, и муж гостинцы приваживал), как купчиха какая – лаза светлые, брови черные, лицо белое. Войдет в хоровод с платочком борша водить или ленту снимет, плясать пойдет, языком прищелкивает, так аж пятки в спину влипают – картина.>

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Бывало, пройти ей нельзя, всякий поиграть хочет, старики и те приставали. Со всеми она смеялась, а мужу верна была, несмотря на то, что мужа часто дома не бывало. И в работе первая опять баба она была, в покос ли, в жнитво ли ухватку себе имела, что впереди всех, бывало, всех замучает, а домой идет, песни поет, перед хороводом пляшет. <Свекор с свекровью не нарадуются на сноху, что настоящая баба стала, только скучали, что бог детей не дает.>

– Что не рожаешь, буде гулять-то, – скажет, бывало, старуха. Порадовалась бы, хоть внучку бы покачала, право.

– А разве я бы не рада, – скажет, – уж и то людей стыдно. Намеднись и то из церкви ребяточки прошли, молитву принимали, всего второй год замужем, а уж дети. Так у тех небось мужья дома живут.

Как вспомнит про мужа, опять завоет, начнет причитать. Известно, год, другой погулять бабе не порок, ну а как баба-то ражая, а детей не рожает, и народ смеяться станет. <От этого-то Маланьке пуще тошно было, как свекор мужа усрал. Старик старинный мастер был по колесной части и хороших людей знал. Как Евстратка понял, его отец и стал посылать на заработки. А в это самое лето, как грех-то случился, и вовсе его отдал за 100 верст до самого покрова, а себе работничка нанял. Сына-то за 120 рублей отдал, а работнику всего 32 рубля да рукавицы дал, так известно расчет.> Скучно ей было без мужа. Дело молодое, рабочее, баба в самой поре, жили же исправно и мясо ели – тот пристаёт, другой пристаёт, а мужа почти полгода не видать. <И песня поется. «Без тебя, мой друг, постеля холодна».> Придет ввечеру домой <сердешная>, поужинает, схватит постелю да к солдатке в чулан. Страшно, говорит, Настасьюшка, одной. Да еще все просится к стенке, а то все, говорит, чудится, что вот-вот – схватит кто меня за мои ноженьки.

2

<Между тем делом подошли покосы.> Петра и Павла отпраздновали, платки, сарафаны, рубахи дорогие попрятали бабы по сундучкам, а то пошли опять на пруду вальками стучать, гости разъехались, целовальник один в кабаке остался, мужики похмелились, у кого было, кто с вечеру, кто поутру косы поотбили, подвязали брусницы на обрывочки и, как пчелы из улья, повысыпали на покосы. Повсюду по лощинам, по дорогам, заблестело солнышко на косах. Погода стояла важная; до праздника дни за три месяц народился погожий – серп крутой. Обмылся месяц, и пошли красные дни. Покосы время веселое; и теперь весело, а в старину еще лучше того было. Разрядятся бабы, с песнями на работу, с песнями домой. Другой раз, ночи короткие – винца возьмут, всю ночь прогуляют. <Маланька впереди всех, что в хороводе, что на работе. Гогочет, заливается, с мужиками смеется, с приказчиком смеется, барина и того не оставила, а близко к себе никого не пускает.>

Пришел сейчас после пасхи староста повещать <еще зорька только занимается>. Старостой тогда Михеич ходил, молодой был, и своя хозяйка первая еще жива была: только йорник насчет баб был. И мужчина белый, окладистый, брюхо наел, в сапогах, в шляпах щеголял. Приходит в избу, одна Маланька не одевши, босиком, дома была, в печи убиралась, старик на дворе с работником на пахоту убирался, старуха скотину погнала, а солдатка на пруд ушла. Стал к ней приставать.

– Я тебя и на работу посылать не стану.

– А мне что работа? Я, – говорит, – люблю на барщину ходить. На народе веселей. А дома все одно старик велит работать.

– Я, – говорит, – тебе платок куплю.

– Мне муж привезет.

– Я мужа твоего на оброк выхлопочу, – ведь уж я докажу приказчику, так все сделаю.

– Не нужно мне на оброк. С оброка-то голые приходят.

– Что ж, – говорит, – это такое будет; долго мне с тобой мучиться? Оглянулся, что никого в избе нет, да к ней.

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

– Мотри, Михеич, не замайл! – Как схватит ухват, да как огреет его. А сама смеется.

– Разве можно теперь? Вот хозяин придет. Разве хорошо?

– Так когда ж, с работы?

– Ну, известно, с работы. Как пойдет народ, а мы с тобой в кусты схоронимся, чтоб твоя хозяйка не видала. А сама на всю избу заливаается, хохочет.

– А то, мол, рассерчает твоя Марфа-то, старостица.

Так что и сам не знает староста, шутит ли или смеется. А тут старик вошел обуваться, а она все свое, и свекра не стыдится. Нечего делать, повестил, как будто затем только приходил – бабам сено гресть в заклах, мужикам возить, – и пошел с палочкой по другим избам. Кого и не следует, всех пошлет; кто и винца поставит, и то мало спуска дает, а Маланьку безо всего, или вовсе отпустит, или выбирает, где полегче. Только она за это ничего ему не покорялась, а все смеется, приду – говорит. То же и с другими. Мало ли ей в это лето случаев было. Да и сама она говаривала. Никогда такого лета не было. Сильная, здоровая, устали не знала, и все ей весело. Уберется, выйдет на покос, уж солнышко повзойдет из-за лесу около завтрака, пойдет с солдаткой, песню заиграет. Идет раз таким манером через рощу – покос на Калиновом лугу был. Солнышко вышло, день красный, а в лесу еще холодок стоит, роса каплет, птицы заливаются, а она пуще их. Идет, платок красный, рубаха шитая, босиком, коты на веревочке, только белые ноги блестят да плечи подрагивают. Вышли на поле, мужики господскую пашут. Много мужиков, сох 20 на 10 десятинах. Гришка Болхин ближе к дороге был, – шутник мужик, – завидел Маланью, завернул возку, подошел поиграть, другие побросали, со всеми смеется. Так до завтрака пробалясничали бы, кабы не приказчик верхом.

– Что вы, сукины дети, такие-сякие, хороводы водить.

Рысью на них запустил, так пашня под копытами давится, грузный человек был.

– Вишь б...., в завтрак на покос идут. Я вас. Да как Маланьку признал, так и сердце прошло, сам с ней посмеялся.

– Вот я, – говорит, – тебя мужицкий урок допахать заставлю.

– Что ж, давай соху, я выпашу проти мужика.

– Ну буде, буде. Идите, вон еще бабы идут. Пора, пора гресть. Ну, бабы, ну.

Совсем другой стал.

Так, как пришла на луг, стали порядком, как пошла передом ряды раскидывать, так рысью ажно, смеется приказчик, а бабы ругают, что черт, замучила. Зато как пора обедать ли, домой, уж всегда ее к приказчику посылают; другие ворчат, а она прямо к начальнику, что, мол, пора шабашить, бабы запотели, али какую штуку отмочит, и ничего. Раз какая у ней с приказчиком штука приключилась. Убирались с покосами, стог кидали, а погода обстоятельная была, надо было до вечера кончить. За полдень без отдыха работали, и дворовые тут же были. Приказчик не отходил, за обедом домой посылал. Тут же, под березками, с бабами сел. Только пообедал, – что, говорит, ты, кума Маланья, – он с ней крестил, – спать не будешь?

– Нет, зачем спать.

– Поди-ка сюда, поищи мне в голове, Маланьюшка.

Лег к ней, она смеется. Только бабы позаснули, и Маланья-то задремала; глядела, глядела на него, красный, потный лежит, и задремала. Только глядь, а он поднялся, глаза красные выкатил, сам какой-то нескладный.

– Ты меня, – говорит, – приворотила, чертова баба.

Здоровый, толстый, схватил её в охапку, волочит в чашу.

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

– Что ты, – говорит, – Андрей Ильич, нельзя теперь, народ проснется, срам, приходи, – говорит, – лучше после. Отпусти раньше народ, а я останусь.

Так и уговорила. А как отпустил народ, она вперед всех дома была. Сказывал парнишка, Андрей Ильич долго все за стогом ходил. И это ее первая охота была, что всякого обнадежит, а потом посмеется. Так-то, как приехал барин в самые петровки, был с ним камердин – такая бестия продувная, что беда. Сам, бывало, рассказывает, как он у барина деньги таскает, как он барина обманывает. Да это бы все ничего, только насчет <баб уж такой подлый, что страх>. Сбились его тогда мужики побить, да и побии бы, спасибо, скоро уехал. А из нашего же брата. Полюбилась ему Маланька, стал тоже подъезжать, рубль серебра давал, синенькую, красненькую давал.

– Ничего, – говорит, – не хочу.

Так на хитрости поднялся. Старосту угостил, что ли, стакнулся с ним. Весной еще было – молотили, темно начинали.

– Я, – говорит, – полезу на скирд, а ты и пошли скидать одну. Там моя будет.

– Ладно.

Только влезла она на скирд, он к ней.

– Постой, – говорит, – тут не ловко.

Взяла, снопы раскидала, яму сделала да его туда и столкни, а сама долой, лестницу сняла да на другой скирд, раскрыла, подает. Рассвело уж, так сказала, – то-то смеху было. Бабы сбежались, портки с него стащили, напихали хоботья и опять надели. Так все не пронялся, все старосту просил ее в сад посылать дорожки чистить. Тут-то на нее барин наткнулся. И не слышать за ним этого прежде было. Видно, уж баба-то хороша была. Только, – рассказывала сама, – смотрю, идет барин, дурной, худой такой, чудно как-то все на нем. Прошел, я за работу, скребу; только хотела отдохнуть, смотрю – опять по дорожке идет. Дорожки там густые, крытые. Ну, думаю, по своему делу гуляет. Только покосилась на него, так и впился в меня глазами. Так до обеда покою не давал, все ходит, смотрит. Так измучилась, что беда, на покосе легче. А не подходит. Барин-то, видно, так на нее глядит, известно, господам делать нечего, а она думает, за работой смотрит, так старается, что одна всю дорожку выскребла. Только хорошо, идет этот камердин опять к ней.

– Барину, – говорит, – ты дюже полюбилась, велел прийти вечером в ранжерею.

Ладно, думает, это все твои штуки: приду, дожидайся.

– Мотри же.

– Сказано, приду.

Вечером взяла скребку, пошла домой; только думает, что и в самом деле барин, пожалуй, звал. Зазвала солдатку, задами полезла к ранжерее, смотрят ходит. Солдатка как закричит по-мужицки, такой голос она умела делать:

– Кто тут?

Барин бежать. Бабы смеялись, смеялись, пришли домой, покатываются всем рассказали. На другой день опять в сад посылают. <Только повар пришел, говорит: так и так, ты, верно, камердину не веришь, так он меня прислал. Что взаправду он тебя хочет и непременно велел приходиться.>

– Ладно, я, – говорит, – думала, что камердин, так пошутила, испугать хотела, а теперь приду.

Как работу кончила, так прямо в дом да на девичье крыльцо.

– Чего, мол, тебе?

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
– Барин велел.

Вышла барыня.

– Чья ты? – говорит, – какая ты, – говорит, – хорошенькая. Зачем тебя барин звал?

– Не могу знать.

Вызвали барина, красный весь пришел.

– Приди, – говорит, – после с отцом, а мне теперь некогда.

А то раз днем к ней подошел, такое начал говорить, что она не поняла ничего. Только хотел ее за руку взять, она как пустится бежать, и ушла от него.>

Так-то она где хитростью, где обманом, а где силой. Раз поставили солдат к ним в избу. Известно, все вместе спать легли. Почти рядом. С вечера юнкер, из господ, что ли, свекора напоил; как потушили свечу, полез к ней. Так она его так огрела, что хотели жаловаться, чуть глаз не выбила ему. А то другой раз офицер стоял, так тоже обещала, да вместо себя ночью солдатку подсунула.

3

Так-то она никому спуску не давала. Мало того: кто к ней не пристанет, так она сама пристанет – раздражит да и посмеется.

– Несдобровать тебе, повеса, наскочишь, – бывало, скажешь ей.

– А что ж, скажет, – коли они меня любят, разве я виновата. Что ж, плакать, что ль. Отчего не посмеяться.

<Жил у них в это лето работник, Андреем звали, из Телятинок он был, Матрешки Коровайхи сын. Теперь он большим человеком стал; а тогда беднее их двора по всей округности не было. От бедности отдали малого, а сами бог знает как перебивались.>

Андрюшка тогда был вовсе мальчишка, годов 16, 17. Длинный, худой, вытянулся, как шалаш, куда хочешь шатни, силишки вовсе не было. И как он работал, бог его знает, из последних сил выбивался. Малый же старательный, смирный. Хозяина пуще станového боялся. Да и всякого старшего мужика уважал. Бывало, в праздник, чужой за вином пошлет – бежит, старается. А уж с бабами или девками – ну да девки у нас какие – поиграть, этого от него никогда не видно было. Как красная девушка зарумянится и сказать в ответ ничего не умеет, коли с ним баба пошутит. Лицом, правда, чистый, аккуратный был, глаза светлые, волосы русые, ну да все какой красавец – так, работник-мальчишка – армячишко платаный, рубашонка посконная, в дырках, шляпенку какую-то у ямщиков старую выменил – босиком али в лаптишках, и те сам сплел – вся и обувь была. Так ведь и работнику лядащему покоя не дала, совсем одурила малого. Он сам сказывал.

– Пришел я, – говорит, – в дом, боюсь, страх. Хозяин ничего, указал все, велел, что работать; когда на барщину пошлет, когда с собой возьмет; косить или что не принуждает, пожалеет; что сам ест, то и мне даст; старуха тоже молочка другой раз даст; попривык к ним, только молодайки пуще всех боялся. Бог ее знает, чего ей от меня нужно было. Запрягать ли начну или за соломой на гумно скотине пойду, подскочит, вырвет из рук. – «Вишь, – говорит, телятинский увалень, коли поворотится, коли что». И сама начнет, да так-то живо, скоро все сделает, засмеется, уйдет. А то за обед или за ужин сядем, боюсь все чего-то, глаз не поднимаю; гляну на нее, а она все на меня косится, подмигнет другой раз, смеется. А то пройдет, ущипнет, а сама как ни в чем не бывало. Пойдут с солдаткой на амбар спать.

– Андрюшка, а Андрюшка! – слышу, зовут. Подойду.

– Чего?

– Кто тебя звал?

И заливаются, смеются.

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Проснулся раз, в санях на дворе спал, что бабы помирают, смеются, на меня глядя.

– Заспался, – говорят, – поди, хозяин зовет.

Пошел.

– Что ты, – говорит, – измазался, хоть помойся, табун шарахнется, настоящий черт; на, поглядишь в зеркальце. Всего сажай испачкали. Поехали раз за сеном в кочан, хозяин дослал, с бабами. Только сгребли в валы, копнить стали. Баба так и кипит, подпрыгивает с вилами, пуда по 3 на граблю захватит, и Андрюха с ними. Только скопнили последнюю, жарко, мочи нет, запотели, Андрюха навилину последнюю положил, влез на копну, топчет.

– Что ты, – говорит, – Андрюшка, никогда с бабами не играешь?

– Нет, чего играть, копнить надо.

– И не знаешь, как?

– Не знаю.

– Хочешь, я поучу?

Он молчит. Схватила его, повалила под себя и ну мять, а солдатка на них сена навалила да сама навалилась.

– Мала куча, – кричит.

Андрюха вывернулся из-под нее, ухватил за голову и ну целовать, так осмелился. Так рассерчала.

– Вишь, сволочь, работчишка, целоваться лезет губищами своими погаными.

Вскочила, так засрамила, что беда. Малый совсем ошалел. Пришел домой, ничего не понимает, что хозяин велит. Хозяин любил его, такой малый смирный, усердный, что поискать.

– Что, мол, с Андрюхой сделалось, уж не умирает ли?

– Как же, умирает, он все с бабами играет. Пора умирать гладуху такому в самую рабочую пору. Вот и я умирать стану.

Пуще малого засрамила, что хоть бежать, мочи ему не стало. Приворотила его совсем после этого раза, что как бы только посмотреть на нее, а сам боится пуще начальника какого. Боится, а ночи не спит, днем не спит, все за ней ходит. Раз на покосе, у Воронки, вместе мужики и бабы были, косили заклы, а бабы гребли на Калиновом лугу. Пошли бабы купаться в обед и мужики тоже; мужики с одной стороны, бабы с другой стороны реки. Тишка шестипалый, даром что женатый, шутник был, подплыл к бабам, начал топить Маланьку.

– Платок замочу, – кричит, – брось, брось, черт, чуть не захлебнулась.

Откуда ни вывернулся Андрюшка, да к Тишке.

– Что ты ее топишь?

Подрались было. Как завидит, Маланья купаться пойдет, залезет в камыши, смотрит. Раз его бабы застали, повыскочили из воды, так в рубахе в воду втащили. Совсем одурел малый, только пища-то не очень сытная, чаем не поили, да и работа день-деньской, а как вечер, так в ночное [с] стариком, так некогда о пустяках-то думать было. Особенно с того раза, <как> после покоса-то она его осрамила, ничего уж он с ней не говорил. Что бы ни делала, не буду, говорит, виду показывать. Хорошо. Погода все покосы в этот год стояла важнейшая. Не сено, а чай убирали; накануне скосят, а на другой день в валы гребли. Барское все убрали, и свое мужички повозили, – тогда угодей много было, – возов по 6 на брата привезли, и еще дальний покос в роще оставался воза по два, да еще подрядил дворник нашу барщину исполу убрать казенные луга. Он их нанимал. Барщина у нас

Оно заработка хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru большая была, и затыглых много. Взались такие, у которых лишний народ был. У старика Евстратова работник был да солдатка, так сам с старухой на барщину ходил, а Андрюху с Маланьей послал к дворнику. Верст за 9 от деревни дворников покос был. Собралось кос 20. Накануне еще мужики пошли, скосили, на другой день бабы приехали; заложили телеги, забрали хлеба, квасу, огурцов, котелочки, круп и поехали на неделю. Всю дорогу песни, смехи; бабы, мужики человек по 10 в телегу насели. Андрюха своего хозяйского пегого меренка заложил – первая лошадь в деревне была (и теперь завод этот у них ведется). Уложил косы, у других ребят взял, бабы – грабли, котелки, сел с бабами, как князь с княгиней едут. Даже народ смеется. Выехали на большую дорогу. Стал народ перегоняться. Маланья говорит:

- Пошел!
- Хозяин не велел.
- Вишь, поп какой. Валяй!
- Смотри, я отвечать буду, а не ты.
- Ну пошел!

Вырвала у него вожжи.

- Ну, сама делай.

Взял слез, пошел пешком. Такое сердитое лицо сделал.

Как приехали мужики – из себя же старосту выбрали – показал место, живо лошадей поотпрягли, поспутали, ящики посняли, загородили, деревья понагнули, шалашики поделали, сенцом покидали, пошла работа. Андрей приходит.

- Где, – говорит, – мерин?
- А я почем знаю? Разве я работница? Ты бы ломался.

Что с бабой говорить. Махнув рукой, пошел у мужиков спрашивать. Нашел, спутал. Обиделась Маланья, ничего не сказала. Постой, я те вымещу, думает. Пошла работа: бабы в валы гребут, песни поют. Мужики за ними копнят вилами. Старик дворник приехал, шутит с народом.

- Пожалуйста, братцы, постарайтесь, – говорит, – погода не устоит, вам же хуже.
- Винца полведра поставь.
- Ладно, – говорит.

Так любо-дорого смотреть, как работа пошла. В обед полчаса вздохнули, опять за дело. На барщине того бы в три дня не сработали. Весело, дружно. Одному только Андрюхе пуще других дней тошно. Расчет возьму, думает, пойду к матушке, скажу – на дороге наймусь. А сам все на Маланью смотрит. Под горой, видать, она передом по косоугору идет, и ногой и граблей подкидывает сено, в два аршина загребает, сама песню поет, а не то гогочет, на всю рощу заливаются. На него и не посмотрит ни разу. Еще ему тошно того. Нет, бросить надо, думает себе, не тот я человек. Пришли к телегам, уж темно, поужинали, винца выпили. Маланья Андрюшке слова не сказала. Которые старше, спать легли. Бабы по стаканчику выпили, так-то раскуражились, что и спать не хотят. Стали хороводы водить. Старик дворник с ними; еще за вином послали. Андрюхе грустно еще пуще того: все народ богатый, да и своя, а он чужой, работник; вино же он не пил и привыкать не хотел. Взял армячишко, ломоть хлеба отломил, пошел в сторону на копну, у березы стояла. Сено не готово еще было. Сгребли только от росы, – завтра разваливать опять хотели, на погоду глядя.

Сено сырое, зеленое еще, пахучее. Поскидал верх сырой, крупный – лесное сено – постелил армяк – лег; так-то ему грустно, грустно стало. Там, из-за лесу, бабы кричат, смеются – ребята за ними гоняются, Маланьин голос слышно, – дымок до него доносит ветерком. А на небе чисто, чисто, звездочки дрожат. Лег навзничь, как ни устал, стал на звезды смотреть. За леском затихло все, а ему все не спится. Со

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru скуки стал песню петь. Только что такое – копна шевелится.

– Кто тут?

Глядь, бабы.

– Кто ты, чего?

Узнал – солдатка с парнем прошла в кусты, другая баба и есть Маланья; взяла, ничего не говоримши, подошла к нему, села на копну.

– Это я. Что перестал – пой, Андрюша.

Андрюшка заробел, хочет петь, как будто голос пропал.

– Что ж ты, пой.

Взяла его за рукав, дергает.

– Я люблю эту песню, наскучили мне мужики, я от них ушла. Пой же.

– Ну... Оставь.

– Что тебе, скучно?

Молчит.

– Чего тебе скучать? Вот мне без мужа так скучно, а тебе что? Сыт, сух, чего тебе еще?

– Что тебе в муже, у тебя и без мужа много.

– Не мил мне никто, Андрюша. Тошно, скучно мне, мочи моей нет. Не мил мне никто, кроме мужа. А что ж ты с бабами не играешь?

– Что ж, я чужой, у вас своих ребят много.

– Ты серчаешь на меня?

– Нет, за что ж?

– Экой ты горькой, право, посмотрю я на тебя, нелюбимой ты, право. А за мерина рассерчал?

– Нет, Маланьюшка, я тебе всю правду скажу... ты меня оставь. Что я тебе?... я работник... а то совсем глуп стал... ведь сам себе не властен... я на тебя и не смотрел прежде... мало ли, кажется, других баб по деревне... право, ты оставь... А что скучно, так дома давно не был...

<Она молчала и складывала занавеску вдвое, потом вчетверо и опять раскладывала.>

– А что ж, женить скоро?

– А бог знает.

– Я бы за тебя пошла.

Андрюшка помолчал. В кустах зашумело и свистнул кто-то. Андрюха засмеялся.

– Вишь, Настасья хозяйина нашла.

– Я бы пошла за тебя.

Маланья встала, села на колени к Андрюхе, обеими руками взяла его за щеки и поцеловала.

– Никто мне не мил, никто мне не мил.

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Из кустов зашевелилось, она вскочила и побежала к солдатке.

– Что ты со мной делаешь, что ты со мной сделала, – сказал Андрюха и ухватил ее за руку. Но она вырвалась:

– Брось, вишь народ идет, увидит.

Андрюха не спал всю ночь, а она с солдаткой пришла к телегам и завалилась спать посереде баб и заснула, как мертвая, ничего не слыхала, не видала. Андрей долго сидел на копне, слушал, рыскал около телег, но Маланья не встала; слышал он только, как собаки лаяли на станции, как петухи закричали, птицы проснулись, мужики пришли, сменились из ночного, как роса холодная покрыла землю и сено. Он сам не помнил, как заснул. На восходе его разбудили. Маланья была такая же, как всегда, как будто ничего не было.

4

Как роса посошла, позавтракали, принялся народ опять за работу. Самая веселая работа подошла, возить, в стоги метать; кто поехал хворосту на падрину рубить, кто телеги запрягал, кто копны разваливал, кто жеребий кидает. День был красный, а старики говорили, что по приметам не устоять: росы мало было, табак у дворника в тавлинке к крышке прилип, ласточки низом летали, и мгла в воздухе была, издали не синело и так-то парило, что сил не было.

До обеда уж порядочный стог скидали, с телег подавать стали и за большими вилами послали – не доставали. На скирду 3-ое подавальщиков, 2 с каждой стороны, один очесывает. Дворнику сначала клали. Он сам распустил поясок, тоже подает – брюхо толстое – так и льет с него.

Баб возить заставили. Маланья с солдаткой возят: только привезет, на возу сидит, мужики закрутят, валят, чтоб ее свалить, только успевай соскакивать, а то вывалят с сеном, то-то смеху. Раз не поспела, вывалили. Андрюха в подавальщиках был со мной. Хоть наша сторона полегче была, в тени, а замаялся мой малый без привычки, так что беда. Ну известно, перед народом старается не отстать, навилит, навилит, – особо, как бабы смотрят, перегнетя, перехватит – другой раз не под силу, ну подымешь. Пойдет, ноги подламываются, навилит над головой, сверху на потное лицо сухие травки сыплются, липнут. Тут зарость, чьи скорее подадут. «У нас больше». И шум, и смех, и работа-то, и запахи, как одурелый сделаешься. А дворник все подгоняет – тучки собираются; что подгонять, дело свое – стараются из последней моченьки. К обеду скидали один стог, вывершили, веревку перекинули, спустились. Андрюха пошел, рук не чует. Чуть вздремнули, другой кидать стали. Охалками сначала живо идет, по зеленому листу падрины, потом выше, выше наши бабы зарятся, беда. Тучки же заходят.

– Братцы, кидай пупом, живо, ведро поставлю.

То-то закипело. А тучка ближе, ближе, ветер поднялся. Залез наверх дворник, на него кидать пошли; борода развеивается, не успеет огревать, завалили совсем; вылезет, опять завалят.

– Давай еще! Принимай! Вали с бабой! Круче вывершивай, отопчи, одергивай сверху. Еще осталось много ли?

– Две копны за кустами.

Бабам ехать пришлось – не знают, говорят. Андрюха мой, вижу, ослабел вовсе, бьется, да уж как лист дрожит.

– Ступай, ты знаешь.

А ветер сильнее сильнее, тучка так и надвигает, борода и рубаха у дворника треплются, как на скворечнице. Обтер пот Андрюха, полез в телегу.

– Давай бабу еще на верх, – кричит.

– Нам давай.

Послали солдатку. Одернули с колес сено. Маланья встала, ухватила за вожжи,
Страница 9

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru только ноги да груди подрагивают. Андрей, как кулек какой, через кочки треплется. За кусты поехали. Подъехали, слез навивать Андрюха, баба на возу принимать осталась, только посмеивается, глядя на него, ничего не говорит, охалками укладывает по грядкам, на него поглядывает. Хотел он навилину подать, подкосились ноги, упал на сено, моченьки не стало, перестал навивать.

– Что ж ты?

– А вот убью себя. Душегубка ты, вот что, злодейка, да, убью тебя и себе конец сделаю.

Соскочила к нему.

– Что ты, Андрей! Аль одурел, али испортили?

Схватил ее за рученьки.

– Не мучай ты меня, Маланьюшка, мочи моей не стало, али прогони ты меня с глаз своих ясных, не вели ты мне жить на белом свету, али пожалей ты меня сколько-нибудь. Знаю я, что не мне чета за тобой ходить, и хозяин у тебя мужик хороший. Не властен я над собою. Умираю – люблю тебя, свет ты мой ясный.

А сам ухватил ее за руки, заливается плачет.

– Вишь, силы нет навивать, а влип, как репейник, брось, вишь что выдумал. Брось, говорят, вот я хозяину скажу.

– Да ведь ты сама... зачем ты вчера меня целовала?

– Вчера хотелось, а нынче работать нужно. Ну, вставай, брось. Нонче ночь наша будет.

– Правда, Маланьюшка?

– А то разве лгать буду. Правда, что ночь будет. Вишь, дождик. Ну!

Нечего делать, очнулся кой-как, навил воз, перекинул веревку, поехали. Идет подле.

– Не обманешь?

– Верно.

А сама все смеется.

Скидали воз, только успели, а уж дождик крапит. Живо под телеги забился народ, шабаш. Дворниково сено убрали, свое осталось. Делать нечего, пошел народ по домам. Ведь догадалась же, шельма, Андрея оставила с телегой, сама с солдаткой домой пошла. Только вышли, Никифор, что с солдаткой жил, за ними. Отстала солдатка, Маланья одна домой пошла. Дождичек прошел, солнышко проглянуло, идти лесом. Маланья разулась, подобрала паневу на голову, идет, ноги белые, стройные, лицо румяное, ну как ни приберется, все красавица красавица и есть.

Тут ее, видно, бог и наказал за все шутки и за Андрюху. Дворник сено гуртовщику запродавал и гуртовщика-то в этот самый день звал на покос сено посмотреть. Идет Маланья через поляну и о чем думает, бог ее знает: и солдатка тут с Никифором в голове и Андрюха – сама ушла, и жалко ей крепко Андрюху, и все; идет, видит – навстречу человек на коне верхом едет. Кафтан купеческой, картуз, из кафтана рубаха александрийская, сапоги козловые, конь низовой, молодецкой и на коне седок из себя молодчина – орел, одно слово сказать, толстый, румяный, чернобровый, волоса черные, кудрявые, борода, усы чуть пробиваются. Едет, трубочку, медью выложенную, покуривает, плеткой ременной помахивает. Из себя, сказать, что красавец, кто его не знал. Маланья не видывала его в жизнь, а мы так коротко знали Матвей Романьча, гуртовщика. Такой шельмы другой, даром что молодой, по всей губернии не было. Насчет ли баб, девок обмануть, скотину чумную спустить, лошадьми барышничать, рожицу где набить, отступного взять – дошло был, даром что годов 20 с чем, и отец такая же каналья.

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
– Здравствуй, тетушка, куда бог несет?

А сам поперек дороги стал.

– Домой идем, что дорогу загородил, я и обойду.

Повернул лошадь, за ней поехал. Посмотрит на него баба – орел, думает, это не Андрюхе чета.

– Как тебя зовут, молодайка?

– А тебе на что?

– Да на то, чтобы знать, чья такая красавица бабочка.

– Какая ни есть, да не про тебя. Нечего смеяться-то.

– Какой смеяться. Да я для такой бабочки и ничего не пожалею. Как звать?

– Маланьей. Чего еще нужно?

(Он опять дорогу загородил). Слезать стал.

– Мотри! – да граблями на него.

– А по отчеству как?

– Радивоновна

Слез, пошел с ней рядом.

– Ах, Маланья Радивоновна, хоть бы поотдохнула минутку, уж так-то ты мне полюбилась.

А Маланька как чует чего недоброго, и лестно ей, и любо, и жутко, все скорее шагу прибавляет.

– Ты своей дорогой ступай, а я своей. Вот мужики сзади едут. Тебе дорога туда, а мне сюда.

– Маланья Радивоновна, мне, – говорит, – за тобой не в тягость идти.

Взял из кармана платок красный, достал, ей подает.

– Не нужно мне от тебе ничего, брось.

– Матушка, красавица, Малашенька! – говорит. – Что велишь, то и сделаю, полюби только меня. Как увидел тебя, не знаю, что надо мной сделалось. Красавица ласковая, полюби ты меня!

И бог знает, что с ней сделалось, такая бой-баба с другими. Только потупилась, молчит и сказать ничего не умеет. Схватил он ее за руки.

– Негаданная, незнатая ты моя красавица, Маланья Радивоновна, полюбил я тебя, что силы моей нету. Десять месяцев дома не бывал, – сам бледный как полотенце стал, глазами блестит, – мочи моей нет. – Сложил руки так-то: Богом прошу тебя, – голос дрожит, – постой на час, сверни ты с дороги, Маланья Радивоновна, утешь ты мои телеса.

Растерялась, только и сказала:

– Ты чужой, я тебя не знаю.

– Я чужой, и стыд с собой увезу.

Да как схватит ее на руки, – мужик здоровый, – понес ее, сердешную.

Разузнал все об ней, где двор и где ночует, вынул кошелек из-за пазухи, достал

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru целковый рубль, дал ей. Взвыла баба:

– Пожалей ты меня, не срами.

– Вот тебе, – говорит, – моя память, а завтра как темно, так я засвищу на задворке.

Проводил ее до выхода из лесу, сел на коня и был таков.

5

Пришла домой, старик, старуха ничего не знают, не ведают, а видят баба другая стала. Ни к чему не возьмется, все куда бегаёт. Андрюхе еще тошней стало. Пришел он раз к ней на гумно, стал говорить, так как на злодея напустилась, остервенилась вовсе, заплакала даже.

– И не смей ты говорить мне ничего, навязался – черт – пошутить нельзя, – заплакала даже, – от тебя мне горе все.

Ничего не понял, еще тошнее стало Андрею, а все уйти силы нет. Хотел отец его на другое место поставить, много лишков давали, так нет, – говорит, я даром здесь жить стану, а в чужие люди не пойду.

Тут, с этого покоса, и погода переменялась, дожди пошли беспрестанные; которая мужицкая часть осталась, так и сопрела в лугах. Кое-что, кое-что высушили по ригам... С утра и до вечера лило; грязь, ни пахать – из рук соха вырывается, гужи размокают, ни сено убирать, ничего. Идет раз Андрюха в ригу, на барщину, по лужам посклизается, шлепает; видит, баба, накрывшись платком, с хворостиной, голыми ногами по грязи ступает – корову Маланька искала. Дождь так и льет как из ведра целый день, скотину в поле не удержат пастухи. Смотрит, гуртовщик едет, поравнялся с ней.

– Нынче, – говорит.

Маланька голову нагнула. «Так вот кто», – думает Андрей. Пришел домой, спать не лег, все слушал. Слышит, свистнул кто-то за гумнами. Маланька выскочила, побежала. Пришел Андрей к овину, видит – мужик чужой.

– Ты кто?

– Работник.

– Не сказывай, на двугривенный. – Взял Андрей двугривенный, что станешь делать. Только не Андрей один узнал, стали замечать по деревне: часто наезжает гуртовщик, Маланька с солдаткой бегаёт. Ну, да мало ли что говорят, верного никто не знал. Приезжает раз Евстрат ночью. Слышал ли он или так, бабы нет.

– Она, – говорят, – на гумно пошла.

Пошел в овин – голоса. Задрожал даже весь. В сарай, глядь – сапоги.

– Эй, кто там? – да дубиной как треснет; дворник в ворота, да бежать. Малашка выскочила в рубахе одной, в ноги.

– Чьи сапоги?

– Виновата.

– Ладно ж, ступай в избу.

А сам сапоги взял, понес. Лег спать один. Утром взял чересседельню свил, видит Андрей. Зазвал бабу в чулан, ну жучить; что больше бьет, то больше сердце расходится. «Не гуляй, не гуляй!» – за волоса да обзёмь, глаз подбил. А она думает: «В брюхе-то что сидит, не выбьешь».

Мать стала просить. Как крикнет: «Кто меня учить с женой будет!» – что мать застыдилась, прощенья просить стала. Запряг лошадь, поехал с Андреем пахать. Стал допрашивать.

Оно заработки хорошо, да и грех бывает от того. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

– Ничего не знаю.

Приехал домой, отпряг, баба ужинать собирает – летает, не ходит; умылась, убралась, синяк видно, и не смеет взглянуть. Поужинали. Старики пошли в чулан. Лег на полати, к краю, ничего не говорит.

– Туши лучину.

Потушила. «Что будет делать?» – думает. Слышит, разувается. Ладно. Видит, прошла мимо окна. Ведь шесть месяцев дома не был, да и побил. Так-то мила она ему. Подле него зашевелилась молча. Приподняла армяк, как прыгнет к нему, как козочка, в одной рубаше, обняла, чуть не задушила.

– Не будешь?

– Не поминай!

С тех пор и забыла думать о дворнике. А Евстрат сапоги продал за 6 р. и смеялся часто:

– Не попался он, я бы с него и армяк снял.

Андрюха дожид до покрова и пошел домой и долго все не забывал, а тут на него землю приняли, женили. Через 9 месяцев Маланья родила, выпечатала в дворника, и любимый ее был старший этот самый Петрушка.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!